

ИЗ ИСТОРИИ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ¹

Хорошо известны тесные балто-славянские лексические связи, в частности — связи в области ремесленной лексики. Ни с одним из других индоевропейских языков, находящихся за пределами балто-славянского ареала, ни балтийский, ни славянский не имеет столь большого количества изоглосс в области ремесленной лексики. Обилие лексических изоглосс балто-славянского ареала неразрывно связано с изоглоссами фонетическими², словообразовательными и морфологическими³. Это свидетельствует о закономерном характере тех общих явлений, которые мы наблюдаем в развитии анализируемой лексики.

Действительно, важнейшие лексические изоглоссы, нередко ограниченные рамками исключительно балтийских и славянских языков, можно обнаружить уже среди ряда глаголов, обозначающих те или иные трудовые процессы: др.-русск. *литу* — лит. *liėti*, лтш. *liēt* „лить (металл)“⁴; русск. диал. *бросать*, *броснуть* — лит. *brūkti*, *braūkti*, лтш. *braūcīt* „трепать (лен, коноплю)“; ст.-слав. *мяти*, русск. *мять* — лит. *minti* „мять (лен, коноплю)“; ст.-слав. *měsiti*, русск. *месить* — лит. *maišyti*, лтш. *maisīt* „мешать, месить“, др.-русск. *вити*, *виняти* — лит. *vūti*, *vijoti*, лтш. *vīt* „вить, плести“; русск. *скать*, *сучить* — лит. *sūkti*, лтш. *sukt* „крутить, сучить“; русск. *валять* — лит. *volioti* „катать, валять“; ст.-сл. *чрѣсти* „резать, рассекать“ — лит.

¹ Примеры из диалектов русского языка обычно даются по словарю В. Даля, латышского — по словарю К. Мюленбаха—Я. Эндзелина, литовского — по словарям Б. Серейского и АН Лит. ССР. В остальных случаях даны соответствующие ссылки.

² Наиболее обстоятельно этот вопрос рассмотрен в статье: Е. Курилович, О балто-славянском языковом единстве (ВСЯ, вып. 3, Москва, 1958, 15—49). См. также В. М. Илич-Свитыч, Именная акцентуация в балтийском и славянском. Москва, 1963.

³ В последнее время на основании тщательного сравнительно-исторического анализа морфологических данных В. Мажюлис пришел к важному выводу о том, что генетическая близость балтийских и славянских языков была более тесной, чем это обычно принято считать. V. Mažiulis, Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai, Vilnius, 1970. Особенно см. 319 слл.

⁴ См. V. Urbutis, Lie. *lytis*, — Baltistica, III (1), 1966, 91—93.

kiřsti, лтш. *cirst* „резать, рубить“ и др. Особенно показателен случай с др.-русск. *зижду* „создаю“ — лит. *žiedžiù* „леплю, формую“⁵, где только на балто-славянском ареале произошла метатеза **dheiǵh-* > **ǵheidh-* в составе корня, ср. лат. *fungo* „леплю, формую“, гот. *deigan* „месить, мять“ и др. (E. Fraenkel LEW, 1307).

В ряде случаев близкие по значению глаголы были использованы в балтийских и славянских языках различным образом: лит. *kálti* „ковать“ — *káuti* „рубить“, но русск. *колоть* „*kauti*“ — *ковать*, чеш. *kouti* „*kalti*“⁶; лит. *kàsti* „копать“ — *kapóti* „рубить, сечь“, но русск. *косить* „*piauti*“, как бы „*kapoti* (*žolę*)“ — *копать* „*kasti*“. Подобное распределение значений, как известно, особенно часто встречается в близко родственных языках, создавая в них „ложных друзей переводчика“⁷. Вторичный характер отмеченных расхождений подтверждается тем, что ряд производных приведенных выше глаголов сохраняет значения, утраченные самими глаголами. Так, лит. *kájis* „молот“, *káustyti* „подковывать“, *káustytojas* „кузнец“ и др. позволяют реконструировать для лит. *káuti* утраченное значение *„ковать“ (фреквентатив *káustyti* относится к *káuti* так же, как, например, *piáustyti* к *piáuti* или *kálsytyti* к *kálti*)⁸; лит. *kaplỹs*, лтш. *kaplis* „мотыга“, лит. *kāpas* „могила“, прусск. *en-kopts* „погребенный“ могут быть соотнесены с лит. *kapóti* в значении *„копать“, а не „рубить, сечь“; русск. диал. *ковал(ок)* „кусок“ восходит к глаголу *ковать* в значении *„рубить, резать“, а не „ковать“; ст.-слав. *кладиво*, др.-русск. *кладиво*, чеш. *kladivo* „молот“ являются (в конечном итоге) производными праслав. **kol-ti* со значением „ковать“, а не „колоть“ и т.д., и т.п.

Интересными являются случаи, когда один и тот же глагольный корень распространен в балтийских и славянских языках с помощью различных формантов, функции которых, однако, полностью совпадают. Например, корень **rem-* „рубить“ на балтийском ареале дает производные с суффик-

⁵ Связь с лепкой глины хорошо сохранилась у многочисленных балтийских и славянских производных: лит. *žiėdžius*, польск. *zdun* „горшечник“, др.-русск. *зѣдъ* „глина“, *зѣданыш* „глиняный“.

⁶ Ограничиваемся в каждом случае одним — наиболее распространенным — значением слова.

⁷ Исследованием такого рода явлений в славянских языках в последние годы занимался И. И. Толстой.

⁸ Ср. также лтш. *kaustīt* — обычный фреквентатив к *kaut*, употребляемый только в значении кузнечного термина. Вышедший из употребления глагол *arkaut* засвидетельствован в народной песне:

Es arkavu melli zirgu
Sudrabiņa pakavēm

„Я подковал вороного коня
Серебряными подковами“.

A. Bielenstein, *Holzbauten und Holzgeräte der Letten*, I—II, Petrograd, 1907—1918, 538—539.

сальным *-t-: *reĩ-t-as* „обрубок“, *raĩ-t-is* (с именной огласовкой) „зарубка“, *ramtyti* „рубить“. В славянских языках тот же корень дает производные с суффиксальным *-b-: **rem-b-* (русск. *рябѣ*, собственно: „выщербленный, покрытый зарубками“), **rom-b-* (с именной огласовкой; ср. русск. *руб-ец*, *рубка*), *рубити*. Легко заметить, что словообразовательная модель в обоих случаях одинакова: а) слав. **rem-* → **rem-b-* → **rom-b-* → *рубить*; б) лит. **rem-* → *rem-t* → *ram-t-* → *ramtyti*).

Балтийские и славянские языки не только обладают значительным количеством изоглосс, относящихся к глаголам, обозначающим трудовые процессы. Многие *nomina agentis* и *nomina instrumenti* формируются там и здесь от одних и тех же корней по одной и той же словообразовательной модели: лит. *siuvėjas*, *siuvėja*, лтш. *šuvėjs*, *šuvėja* — др.-русск. *шьвѣи*, *шьвѣя* „портной, портниха“; лит. *siuvikas*, *siuvikis*, прусск. *schuwikis* — др.-русск. *шьвьць* „сапожник; портной“; лит. *minikas* — белор. диал. *мнец* „мяльщик“⁹, лит. *tašiklis* (к *tašyti*), лтш. *teseiklis* (к *tėst*) — русск. *месло* (к *месать*); лит. *maišiklis*, лтш. *màiseiklis* — чеш. *mísidlo* „мешалка“; лит. *voliūga* — серб.-хорв. *вълуга* „валёк, каток“; лит. *tākilas*, прусск. *tackelis*, лтш. *teciklas* — русск. *точило*, польск. *toczydło* „точило“; прусск. *dalptan* „пробой“ — русск. *долото* и др.

Список изоглосс типа прусск. *schutuan* „нити“ — русск. диал. *шито* „частая сквозная нить“, лит. *nýtus* „ниченки“ — русск. *нити*, лит. *šai-và* — чеш. *seva*, русск. *цевка*, лтш. *birde* „ткацкий станок“ — русск. *бердо*, лтш. *gurste (linu)* „связка (льна)“ — русск. *горсть* (льна), лтш. *ragā-lis* „рукоятка старинной сохи“ — русск. диал. *рогаль* „рукоятка сохи“ можно было бы продолжать и далее. Интересно отметить, что в ряде случаев балтийским словам без суффиксального *-(i)k- в славянских языках будут соответствовать образования с этим суффиксом (тип лит. *avis* — др.-русск. *овьца*): лит. *gijà* „прядь, нить в основе“, лтш. *dzīja* „шерстяная пряжа, шерстяные нити“ — русск. диал. *жица* „шерстяная пряжа“, болг. *жица* „нить; проволока“, серб.-хорв. *жйца* „прядь; проволока“; лит. *lóna* „кровать“ — болг. *лавица* „ложе“; лит. *vijà* „веревка или канат, скрученный с проволокой“ — русск. диал. *вица* „канатная прядь, скрученная из нескольких нитей“.

Приведенная выборочно часть балто-славянских изоглосс в области ремесленной лексики свидетельствует о близком родстве балтов и славян, о

⁹ Последнее сопоставление сделано О. Н. Трубачевым. См. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. Москва, 1963, 62—63.

многочисленных общих чертах их материальной культуры¹⁰. Об этом же говорят данные археологии и этнографии. Даже при раскопках сравнительно поздних памятников VII—IX вв. н. э. археологи с трудом разграничивают или совсем не различают древностей балтов от древностей славян¹¹. Так называемые „длинные курганы“ и их принадлежность балтам или славянам вызвали длительную дискуссию среди археологов¹². Ряд городищ VII—VIII вв., до недавнего времени считавшихся славянскими, при более тщательном изучении оказались памятниками балтской культуры¹³. Постройки и утварь латышей и литовцев сходны не только между собой, но также с постройками и утварью восточных славян¹⁴. Все эти факты хорошо согласуются с теми выводами, которые можно сделать на основании анализа балто-славянских лексических изоглосс в области ремесленной лексики.

Но сходство ремесленной лексики балтов и славян объясняется не только генетической близостью их языков. Важную роль здесь сыграли также многочисленные обоюдные заимствования из одних языков в другие. К сожалению, именно значительная близость балтийских и славянских языков затрудняет выделение древнейших слоев заимствованной лексики в этих языках. Допустим, например, что лит. *sōdas* было заимствовано из слав. *садъ*. Но если это слово — не заимствованное, а исконно родственное, то какую оно, в этом случае, должно иметь форму? Оказывается, тоже — *sōdas*. Поэтому с большей определенностью мы можем говорить лишь о заимствованиях, относящихся к сравнительно поздней эпохе. Нужно сказать, что славянские заимствования в балтийских языках изучены гораздо более основательно (работы А. Брюкнера, П. Скарджюса, Я. Эндзелена и др.), чем балтийские заимствования в славянских языках. Между тем, именно в области ремесленной лексики восточные и западные славяне (главным образом, белорусы, русские и поляки) заимствовали значительное количество слов из балтийских языков (в первую очередь — из литовского). Особенно много заимствований связано со словами,

¹⁰ В этой связи весьма странным и совершенно неубедительным представляется вывод О. Н. Трубочева о якобы большей близости славянской ремесленной лексики к германской и даже к латинской: О. Н. Трубочев, Ремесленная терминология в славянских языках, Москва, 1966, 392—393 и др. Поскольку во всей рассмотренной автором ремесленной лексике он находит только 6 (!) балто-славянских изоглосс, даже 26 славяно-латинских (во многом сомнительных) соответствий, приведенных в книге О. Н. Трубочева, естественно, должны были представиться автору числом значительным.

¹¹ И. И. Ляпушкин, Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.), Ленинград, 1968, 89.

¹² Там же, 92 слл.

¹³ Там же, 119.

¹⁴ А. Bielenstein, ук. соч., 11.

обозначающими процессы обработки дерева, с плотничьей лексикой. Сюда следует отнести, прежде всего, довольно многочисленные названия разных построек (диалектные формы оссбэ не оговариваются): белор., русск. *аруд*, польск. *arud* „закром“ (лит. *ariodas* то же); белор., русск., укр. *ёвня*, *евня*, стар. *евья* „овин, рига“ (лит. *jauja* то же); белор. *прымень* „сени“, ст.-польск. *priemien* „пристройка“ (лит. *priemenė* „прихожая, передняя“); белор., русск. *пуня*, польск. *punia* „сарай для сена“ (лит. *pūnė* „сарай, хлев“, лтш. *pune* „сарай для сена“); белор. *свіран*, русск. *свирон*, польск. *świron* „амбар, клеть“ (лит. *sviřnas* то же).

Неразрывно связаны со строительным делом и такие балтизмы в славянских языках, как польск. *szulo*, белор. *шула*, русск., укр. *шуло* „столб в заборе или в стене избы“ (лит. *šūlas* то же); польск. *sklut*, белор. *склют*, *шклюд*, русск. *склют*, укр. *шклюд* „тесак, тесло“ (лит. *skliūtas* то же); польск. *dziegieć*, др.-чеш. *dehet*, белор. *дзегоць*, русск. *дѣготь*, укр. *деготь* (лит. *degūtas* „деготь“); польск. *pakuly*, белор. *пакулле*, русск. *пакля* (лит. *pākulos* „пакля“). Ряд названий деревянных сосудов также был заимствован из балтийских языков: польск. *złukto*, белор., русск., укр. *жлукто* „кадка, бочка для замачивания белья“ (лит. *žlūktas* то же, *žlaūktas* „чан“); др.-русс. *яндова* „плоская чаша с рыльцем“ (лит. *indaujà* „шкаф для посуды“); польск. *kousz*, белор. *коўш*, русск., укр. *ковш* (лит. *káušas*, лтш. *kaūss*)¹⁵. Балтийское влияние на польский и белорусский языки в области строительной лексики было столь значительным, что в эти языки проникло также литовское название плотника или зодчего: ст.-польск. *doilid*, *doylida*, белор. *дойлид*, *дойлида*, *дайлида* (лит. *dailidė* „строитель, плотник“).

* * *

Приведенные выше факты позволяют перейти к рассмотрению происхождения ряда славянских слов со значением „ремесло“. В плане выявления древних балто-славянских лексических связей эти слова представляют несомненный интерес. У южных славян со значением „ремесло“ употребляются болг. *занаят*, макед. *занает*, серб.-хорв. *занат* и *обрт*. Такие слова, как ст.-слав. *ремьство*, *ремесьство* и *ремезьство* представляют собой книжные церковнославянские формы и не находят себе опоры в живых южнославянских языках. В то же время, приведенные формы — обычны для восточнославянских языков. Их мы встречаем и в памятниках древнерусской письменности (*ремество*, *ремьство*), и в диалектах русского, белорусского и украинского языков (*ремествó*, *ремѣство*). В западнославянских языках формы

¹⁵ См. Ю. В. Откупщиков, К этимологии лит. *káušas*, лтш. *kaūss* „череп; ковш“, — *Baltistica*, VI(2), 1970, 185–192.

на *-stvo* не встречаются, здесь всюду последовательно выступают образования на *-slo*: чеш. *řemeslo*, польск. *rzemieslo*, *rzemioslo*, верх.-луж. *rjemjeslo*, ниж.-луж. *řemeslo*. По мнению А. Брюкнера, формы на *-slo* типичны только для западных славян, а русск. и укр. *ремесло* является заимствованием из польского¹⁶. Однако наличие др.-русск. *ремесленицы* уже в памятнике начала XIV в. (И. И. Срезневский III, 114), а также широкое распространение слова *ремесло* в диалектах русского и украинского языка — при отсутствии в белорусском формы этого слова с суффиксальным *-л-* — делает предположение А. Брюкнера маловероятным. Как бы то ни было, у восточных славян засвидетельствованы две формы рассматриваемых слов: *ремество* и *ремесло*. И здесь, естественно, возникает вопрос о том, как эти формы относятся к лит. *remėstas*, *remėslas* „ремесло“. Ф. Миклошич, этимологизируя ст.-слав. *ремество*, приводит эти балтийские слова, а также лит. *remėsas* „ремесленник“ и лтш. *remesis* „плотник“¹⁷. Эти же или аналогичные сопоставления мы находим у К. Буги¹⁸, Я. Эндзелина¹⁹, а также в этимологических словарях А. Г. Преображенского и М. Фасмера (s. v. *ремесло*). В конечном итоге, вся группа слов возводится к корню **rem-* „рубить“, производными которого являются лит. *reĩ-t-as*, „обрубок“, *raĩ-t-is* „зарубка“, *ramtyti* „рубить“ (К. Būga RR II 304, 532–533, 541). Сюда же, безусловно, должны быть отнесены такие слова, как др.-прусск. *romestue* „плотничий топор“ (К. Būga RR II 304) и лтш. *remikis* „плотник“.

Приведенная этимология, наиболее обстоятельно обоснованная К. Бугой, должна быть отнесена к числу в высшей степени правдоподобных и убедительных этимологий²⁰. Однако она не отвечает на вопрос об отношении русск. *ремество*, *ремесло* к лит. *remėstas*, *remėslas*. К. Буга был даже вынужден доказывать, что литовские слова не были заимствованы из славянского, ибо в те годы А. Брюкнер, например, значительное число исконно родственных слов и даже славянских балтизмов считал балтийскими славизмами.

Итак, перейдем к рассмотрению приведенных выше славянских и балтийских слов. Прежде всего, наиболее архаичные по своей структуре формы — церк.-слав. *ремесьство* и *ремезьство* — позволяют выделить в качестве производящей основы этих суффиксальных образований **ремезь*, **ремесь*, **ремезь* или *ремезь*. По-видимому, последнее слово мы находим в древнерусском

¹⁶ А. Brückner, Słownik etymologiczny języka polskiego, Warszawa, 1957, 475.

¹⁷ F. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Wien, 1886, 275.

¹⁸ К. Būga, RR II 304, 532.

¹⁹ И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, Харьков, 1911, 198; К. Mühlenbach—J. Endzelin, Lettisch-Deutsches Wörterbuch, III, Riga, 1923ff., 510.

²⁰ Хотя, например, В. Махек не разделяет ее. См. V. Machek, Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, Praha, 1957, 433.

языке (XIV в.): *ремези храмы сдѣлають вы* (И. И. Срезневский, III, 114). Однако это *hарах legomenon* не может служить надежным основанием для утверждения о широком распространении слова *ремезь* „плотник, строитель“ в древнерусском языке. Кроме того, слово *ремезь* (или *ремезъ*) не может рассматриваться как соответствие латышскому *remesis* или литовскому *remėsas*. В самом деле, русск. *береза, железо* ~ лит. *bėrėžas, geleėzis* говорит о том, что древнерусскому *ремезь* должно было бы соответствовать лит. **remeėžas*. Правда, др.-русск. **ремезъ* полностью соответствовало бы литовскому *remėsas*. Но в этом случае мы должны признать, что др.-русск. *ремези* и церк.-слав. *ремезьство* представляют собой результат озвончения *с* — что трудно признать правдоподобным для слов исконно славянского происхождения. В то же время, колебания между *с* и *з* в передаче древнерусских слов балтийского происхождения — вполне обычное явление. Так, в Ипатьевской летописи под 1278 г. пруссы упоминаются в двух формах: *проуси* и *проузи* (ср. **ремеси* и *ремези*, церк.-слав. *ремезьство* и *ремезьство*). Таким образом, единственное слово, которое могло бы послужить базой для образования восточнославянских слов на *-(ь)ство* (или на *-ло*) — др.-русск. *ремези* — оказывается не только изолированным, но и аномальным с точки зрения исконного родства анализируемых балтийских и славянских слов.

Допустим, однако, что у восточных славян существовало слово **ремезъ* (**ремезь*), соответствующее лит. *remėsas*, лтш. *remesis*. Еще К. Буга отметил, что лит. *remėsas* относится к числу обычных *nomina agentis* на *-ėsas*: *burgėsas* „брюзга“, *ėvelpėsas, velbėsas* „шепелявый“ (RR II 304, 532–533)²¹. Суффикс *-esa-* естественно входит в систему литовских образований с суффиксальным *-s*²². Что же касается др.-русск. **ремезъ*, то ни в словообразовательном, ни в общесемантическом плане (*nomina agentis* на *-езъ* или *-езь*?) данная реконструированная форма не может рассматриваться как исконное славянское слово.

Крайне странным на славянской почве выглядит наличие двух параллельных образований *ремество* и *ремесло*. Производных на *-сло* в восточнославянских языках сравнительно немного. Если исключить неясные по своему происхождению слова *кресло* и *коромысло*, то остальные русские образования на *-сло* окажутся легко соотносимыми с соответствующими глаголами: *весло* — *везти* (< **цегh-slom*), *масло* — *мазать*, *прясло* — *прясть*, *тесло* — *тесать*, *свясло* — *вязать* и т.д. Слово *ремесло* в этом отношении ни

²¹ См. также P. Skardėius, *Lietuvių kalbos žodžių daryba*, Vilnius, 1943, 311–312. Здесь указаны и другие примеры.

²² Там же, 310–314.

с чем не сопоставимо на славянской почве²³. Кроме того, в плане своей общей семантики (*nomina instrumenti*) приведенные славянские образования на *-(с)ло* резко отличаются от слова *ремесло*. Наконец, ни одно из этих образований не имеет параллельных синонимичных (или даже несинонимичных) форм на *-(б)ство*. Случай с *ремество* — *ремесло* и в этом отношении оказывается исключительным и несъяснимым. В то же время варианты суффиксов у лит. *remėslas, remėstas* могут быть сопоставлены, например, с *gruĩslas — gruĩstas* „ком, глыба“, *giĩslas* „молва, слух“ — *(iĩ)giĩstas* „услышанный“, *kaĩslas — kaĩstas* „потение“, *skrũoslas — skrũostas* „ресница“ и т.п. Словообразовательная модель *grũmti, grũmia* → *gruĩslas, gruĩstas* предполагает в качестве закономерного развития **remti, remia* → **remslas, *remstas* „рубка“ (как процесс, а затем — как занятие), ср. *kaĩslas, kaĩstas* „потение“ (процесс). Однако, видимо, под влиянием *nominis agentis remėsas* приведенные под звездочкой формы дали *remėslas* и *remėstas*. Таким образом, и здесь явление исключительное и непонятное на славянской почве оказывается съяснимым в рамках литовского словособразования. Поэтому прав был К. Буга, склонный видеть в лит. *remėslas* и *remėstas* исконные балтийские слова (RR II 304)²⁴. Нужно сказать, что и более поздние по своей структуре производные со значением *nominis agentis* целиком отвечают обычным словообразовательным нормам балтийских языков: лит. *remėstas* → *remestiniĩkas*, *-ė* как *ĩmatas — amatiniĩkas, -ė, pũodas* → *puodiniĩkas, -ė*; лтш. *remesnieks, -nĩca* (как *māize* „хлеб“ → *māiznieks, -nĩca*), видимо, явились результатом присоединения новых суффиксов к древней основе *nominis agentis*.

Не этимологизируются как исконно славянские слова русск. *ремесло* и *ремество* также и в плане их соотнесенности с глагольным корнем. Выше мы уже видели, что русские производные на *-сло* без особых затруднений сопоставляются с соответствующими глаголами. Слово же *ремесло* здесь просто „повисает в воздухе“. То же самое относится и к предполагаемой производящей основе слов *ремесло* и *ремество* — др.-русск. **ремесъ*. Если лит. *remėsas* легко возводится к корню *rem-* „рубить“ (который относится к *reĩ-tas* „обрубок“, буквально: „обрубленный“ так же, как, например, корень *sem-* „черпать“ — к *sėm-tas* „почерпнутый“), то у др.-русск. **ремесъ* на славянской почве остается неясным как суффикс, так и корень. Ибо если корень **rem-* „рубить“ легко вычленяется из лит. *reĩ-tas* — в силу того, что последнее слово по происхождению представляет собой „стандартное“ отглагольное прилагательное с продуктивным суффиксом *-t-*, обычным для балто-славянских

²³ Так, о чеш. *řemeslo* В. Махек в своем словаре (стр. 433) пишет: „Слово неясное, нигде в других местах нет подобного образования (разве только лтш. *remesis* „плотник“)“.

²⁴ Э. Френкель всё же считает лит. *remėslas* славизмом (LEW 717).

причастных образований, то у русск. *рубить* тот же корень **rem-* извлекается только путем сложного этимологического анализа. Следовательно, если лит. *remėsas* без труда этимологизируется на балтийском ареале, то др.-русск. *ремезь* или реконструируемая форма **ремесъ* не может получить надежного этимологического истолкования как слово исконно славянского происхождения.

Приведенные факты позволяют высказать предположение о балтийском происхождении рассматриваемых славянских слов. Прежде всего, лит. *remėsas*, лтш. *remesis* или иное балтийское слово со значением „плотник“ было заимствовано в формах **ремесъ* и *ремезь* (**ремесъ*, -зѣ), которые легли в основу образований с обычным славянским суффиксом -(ь)ство: *ремес-ь-ство* и *ремез-ь-ство*. Что касается формы *ремесло*, то она в западных славянских языках, по-видимому, явилась результатом прямого заимствования из балт. (лит.) *remėslas*. У восточных славян можно думать как о заимствовании, так и о вторичном происхождении -л- в словах типа *ремес(л)ь(никъ)* с последующей обратной деривацией (→ *ремесло*). Наличие параллельных литовских форм *remėslas* — *remėstas*, видимо, содействовало упрочению двух основных типов слова на славянской почве: *ремесло* и *ремество*.

И географический ареал, совпадающий с обычным ареалом славянских балтизмов, и значительный удельный вес строительной (плотничьей) лексики среди славянских слов балтийского происхождения, и отсутствие надежной базы для этимологизации славянских слов — при наличии подобной базы на балтийском ареале — всё это подтверждает высказанное выше предположение о заимствованном характере анализируемых славянских слов.

В условиях особенно тесных языковых контактов нередки случаи создания своеобразных слов-„гибридов“, когда к иноязычной основе присоединяются различные форманты заимствующего языка. Так, например, в говорах литовского языка мы встречаем „гибриды“ типа: *palkėlė* „lazdelė“ (русск., белор. *палка*), *užreškis* „užkrosnis“ (русск., белор. *печка*), *strainumas* „grakštumas“ (русск. *стройный*; белор. *стройны*)²⁵. Аналогичные явления встречаются и в славянских балтизмах²⁶: русск. диал. *кятурка* „ширинка“ (лит. *keturi*), польск. диал. *naktaj* „тот, кто шатается по ночам“ (лит. *naktis*), белор. *дойлидства* „зодчество“ (лит. *dailidė*). Для наших целей особенно показателен последний случай, где мы можем лит. *dailidė* „плотник“ → белор. *дойлид(а)* „зодчий“ → *дойлидны* „зодческий“, *дойлидства* „зодчество“ сопоставить с лит. *remėsas*, лтш. *remesis* „плотник“ → др.-русск. *ремезь*, **ремесъ*

²⁵ Lietuvių kalbos tarmės, Vilnius, 1970, 53 (текст 19), 268 (375), 372 (574).

²⁶ Здесь и ниже примеры со славянскими балтизмами взяты из кандидатской диссертации Ю. Лаучюте „Лексические балтизмы в славянских языках“.

„плотник, строитель“ → укр. *ремесний* „ремесленный“, церк.-слав. *ремезьство, ремесьство* „ремесло“. В обоих случаях славянизация заимствованного слова и его производных идет параллельно, и в обоих случаях следует исключить возможность исконного родства.

Примеры типа лит. *mergélka* „mergaitė“²⁷, русск. диал. *женіклис* „жених“ могли возникнуть, по-видимому, лишь в условиях двуязычия или, во всяком случае, при очень тесном взаимодействии языков. В тех же самых условиях слово, заимствованное, например, из славянских языков в балтийские, могло быть вторично заимствовано из балтийских языков в славянские. В одних случаях примеры подобного двойного заимствования подтверждаются фонетическими данными: др.-русск. *бояръ* → лит. *bajōras* → польск. *bojarzyn* „боярин“; в других случаях — словообразовательными: белор. *крупа* → лит. *kruopà (kruōpos)* → *kruopiėnė* → белор., русск. *крупéня*] „суп или жидкая каша из крупы“. Подобного типа вторичными заимствованиями из славянских языков в балтийские следует, видимо, считать лит. *remestva* „ремесло“ (из белор. *ремéство*) и *remesnūkas* „плотник, ремесленник“ (из белор. *ремеснікѣ*)²⁸. Остальные рассмотренные выше литовские и латышские слова являются, как это считал еще К. Буга, исконно балтийскими по своему происхождению.

Дальнейшее изучение балто-славянской ремесленной лексики, по-видимому, может дать немало интересного материала по вопросу о древнейших отношениях балтов и славян — как в области материальной культуры, так и в плане взаимодействия балтийских и славянских языков.

²⁷ Lietuvių kalbos tarmės, 45 (текст 6), 74 (47), 109 (100).

²⁸ P. Skardžius, Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen, Kaunas, 1931, 189; E. Fraenkel, LEW 717.